

Глава 34. Закрытая застава. Часть II

Уважаемые старейшины города вели в главном зале беседу с господином Бяньяном.

Хань Тан притаился на крыше. Осторожно приподняв черепицу, он изо всех сил старался расслышать каждое слово взрослых. Заметив Чэнь Гэ, мальчишка поднес указательный палец к губам и предостерегающе шикнул.

Чэнь Гэ замер в растерянности. Подслушивать — дело скверное, поэтому он решил просто вернуться к себе.

Однако мысли его были в полном беспорядке, а голова, не приспособленная к столь сложным раздумьям, вскоре отозвалась тупой болью. Сами собой веки отяжелели, и юноша провалился в сон. Когда он перевернулся на другой бок и вновь открыл глаза, солнце уже клонилось к закату.

Он лежал на тахте, не желая покидать уютное тепло нагретой постели. Сквозь щели старых оконных переплетов в сумеречном свете виднелись три фигуры — то отдаляясь, то приближаясь... Тьфу, да что за бред в голову лезет?

Ли Синлань всё так же сидел под навесом галереи, сжимая в руке свиток.

Хань Тан устроился прямо на полу перед ним, скрестив ноги и выглядя крайне озабоченным.

Легкий ветерок едва колыхал ветви, и в лучах заходящего солнца нежно-розовые цветы яблони походили на застывший кровавый водопад. Бэй Чэнь растянулся на крыше галереи, прищурился глазами — то ли спал, то ли просто наблюдал за происходящим.

Хань Тан изливал свою тревогу:

— Говорят, заложник из царства Янь сбежал, и это привело вана Цинь в ярость. Он велел закрыть заставу Ханьгу, чтобы во что бы то ни стало схватить беглеца.

Ли Синлань едва слышно пробормотал себе под нос:

— Какие еще важные события в этом году? Хань Фэй прибывает послом в Цинь, пишет свои труды — «Трудности убеждения», «Одинокая тревога». Ли Му разбивает врага при Фэйся, Фань Юйци терпит поражение и бежит. Хань Фэй выступает против уничтожения Хань, его бросают в темницу, где он и умирает... Но история ведь уже изменилась.

Голос его был настолько тихим, что Хань Тан, сидевший напротив, не разобрал ни слова.

Но Чэнь Гэ сосредоточился до предела. Внимательно следя за движением губ друга, он невольно поразился его памяти — как можно помнить все эти даты и имена по порядку?

Хань Тан, приняв вид серьезного взрослого мужа, рассудительно произнес:

— В начале года Хань-ван Ань отправил Хань-цзы послом в Цинь, и его труды пришлось вану по душе. Если тот приложит все усилия для убеждения, возможно, большой войны удастся избежать.

Ли Синлань утомленно покачал коротким свитком в воздухе.

— Увы, в Цинь не один Хань Фэй. Там есть Вэй Ляо, Ли Сы и множество других талантов. Боюсь, Хань Фэю сейчас не до спасения родины — самому бы уцелеть. К тому же когда-то ваше царство славилось передовой металлургией и действительно было грозной военной силой. Но после битвы при Ицюэ вы утратили свое главное преимущество.

Хань Тан сердито надул щеки:

— Так то было сотню лет назад! При Ханьском Чжао-хоу страной правил Шэнь-цзы, он укрепил армию, и целых пятнадцать лет никто не смел нападать на Хань.

Ли Синлань, погруженный в свои мысли, возразил:

— Реформы Шэнь Бухая, основанные на искусстве управления, дали быстрый результат, но стоило ему уйти, как порядок рухнул. Такие меры не решают проблем в корне. С самого основания ваше царство выживает в тисках между сильными соседями. Как только Цинь выходит через заставу Ханьгу на восток, вы — первые, по кому наносят удар. Такова география, и от нее никуда не деться.

Хань Тан, не в силах смириться, вскочил на ноги.

— Неужели нам остается только покорно ждать, пока нас растопчут?

Ли Синлань поднял взгляд. Он смотрел со спокойной, трезвой уверенностью. Постаравшись смягчить голос, он произнес:

— Царство Хань падет, это вопрос ближайших двух-трех лет. Скажи честно, о чем ты печешься больше: о государстве или о жителях Линьюня?

Хань Тан замялся:

— Что за вопрос? Разумеется, обо всем сразу. Но отец учил меня: «Народ — превыше всего, за ним следуют божества земли и злаков, а правитель — на последнем месте». Если войны не миновать, я хочу защитить людей.

— Правильно, — кивнул Ли Синлань. — А знаешь ли ты продолжение этой мысли? «Если правитель ставит под угрозу алтари земли и злаков, его сменяют». Народ и есть государство. Если ради его спасения придется сдаться — в этом нет ничего зазорного.

Бэй Чэнь сверху лениво вставил:

— Вы хоть понимаете, что такое сдача на милость победителя? Господину Бяньяну придется выйти нагим по пояс, с веревкой на шее и яшмой во рту. Он должен будет на коленях ползти к дороге Чжидао, поднося грамоту о капитуляции, печать города и списки жителей, ожидая решения своей участи. И хорошо, если циньцы примут подношение. Зная их повадки, я уверен: всю вашу семью казнят, а город сравнивают с землей. Столь тяжкий позор... Будь я на вашем месте, предпочел бы смерть.

Хань Тан стиснул зубы:

— Верно. Сдаваться нельзя. И отец мой ни за что не пойдет на это.

Ли Синлань горько усмехнулся:

— Брат Бэй Чэнь, не пугай ребенка. Лишь когда закрома полны, человек вспоминает о чести и стыде. А когда народу нечего есть, о каком достоинстве может идти речь? К тому же Линъюнь давно был уступлен Цинь. В городе нет собственной армии, здесь постоянно стоит циньский гарнизон. Вы не представляете для них никакой угрозы.

Бэй Чэнь замолчал. Чэнь Гэ лишь диву давался: когда это Ли Синлань успел так сработаться с волком?

Хань Тан, однако, покачал головой:

— Нет, на самом деле мы никогда по-настоящему не подчинялись Цинь. Когда царство Хань отдало эти земли, тогдашний господин Бяньян не покорился. Моя прабабка, Ань-нян, была доблестной воительницей. Она не раз водила ополчение против циньских послов, прибывших за ключами от города.

— Но ведь здесь и по сей день стоят циньские солдаты, разве нет? — спросил Ли Синлань.

— Это всего лишь сделка, — пояснил мальчик. — Цинь несколько раз присылало войска, пытаясь захватить власть в Бяньяне, но Ань-нян всякий раз прогоняла их. Печать Бяньяна, реестры жителей и налоговые книги — всё это по-прежнему хранится в поместье моего отца. К

счастью, наше захолустье не имеет большого значения, а жители ведут себя тихо. Ни Цинь, ни Хань до нас нет дела, поэтому вопрос о том, кому мы принадлежим, просто завис в воздухе.

Ли Синлань, привыкший мыслить логически, засомневался:

— Неужели авторитет Ань-нян был столь велик?

— Моя прабабушка Не Ань была не только искусным стратегом и храбрым воином. Ходили легенды, что она обладала силой подчинять людские сердца. Она прожила двести лет, и в народе шептались, что она...

— Кошка-оборотень, — донесся сверху голос Бэй Чэня. — Что, язык не поворачивается сказать?

Хань Тан вздрогнул и запинаясь переспросил:

— Т-ты... ты откуда знаешь?!

Волк лишь фыркнул:

— Я что, по-твоему, слепой?

Видя, что раскрывать секрет дальше тот не намерен, Хань Тан поспешил сменить тему:

— Чжан Юаньцзю командует лишь небольшим патрульным отрядом из Ханьгу. После смерти Ань-нян они хотели прибрать Бяньян к рукам, но мой отец договорился с ним. Он пригласил их в город на правах... почетных гостей. Мы кормим и содержим весь его отряд, и только благодаря этому не вступаем в открытый бой с основными силами Цинь.

— Но Чжан Юаньцзю — мелкая сошка, — заметил Ли Синлань. — Он сам себе не хозяин. Кто знает, когда ему прикажут сбросить маску.

— Это так.

— Есть ли в городе ополчение?

— Есть, — признал Хань Тан. — Меньше тысячи человек. Тренируются тайно, большинство пороха не нюхало. Остальные — сплошь старики, женщины да дети.

— Хватит ли припасов?

— Нам приходится кормить пять сотен людей Чжана каждый год, так что запасов немного. Если три тысячи жителей запрут в стенах, еды хватит от силы на год.

— Для обороны это немало. А что с вооружением?

— Десять лет без дела... Наверняка всё заржавело и сгнило. Повозок много, но почти все — обычные телеги.

— Я видел у города ров. Его можно использовать.

— Не выйдет. Мы с трудом возвели дамбу выше по течению. Если открыть шлюзы, вода просто сметет весь Бяньян.

Ли Синлань немного успокоился. Тон его стал мягче.

— Вообще-то, циньские солдаты — тоже люди, с ними можно договориться. Если вы не стремитесь к героической гибели ради чести, то бояться особо нечего. Меня беспокоит другое: что нам придется столкнуться с тем, с чем договориться невозможно.

— О чем ты? — нахмурился Хань Тан.

— Неважно. Ты еще ребенок, не забивай себе голову. У господина Бяньяна наверняка есть план.

— Отец слишком мягкотел.

— Ты уверен, что хорошо знаешь своего отца? Если бы он был слабым, Линъюнь не процветал бы так, как сейчас. На нем лежит груз ответственности за тысячи жизней, он не может позволить себе действовать наобум. Правитель города обязан идти на жертвы.

Хань Тан понурился:

— Я... я не знаю. Ты на днях сказал, что Чжан Юаньцзю скоро получит важное назначение. Что это значит?

— Просто предположение, — уклонился от прямого ответа Ли Синлань. — Это связано с моими опасениями. На самом деле Цинь закрыло заставу Ханьгу, скорее всего, потому, что они замышляют нечто грандиозное.

Чэнь Гэ, слушавший их с нарастающим беспокойством, наконец вышел из тени. Лучи заходящего солнца окутали его фигуру дымчато-оранжевым ореолом.

— К чему все эти пустые рассуждения? — буркнул он, протирая глаза. — Либо дерись, либо беги, либо подыхай. Разве есть другой выбор?

Хань Тан возмутился:

— Ах ты... Ну ты и боров! Да что ты понимаешь?

— Понимаю побольше твоего, — огрызнулся Чэнь Гэ. — Думаешь, зачем Цинь закрыло заставу? Скорее всего, чтобы выпустить этих зом...

— Чэнь Гэ, — прервал его Ли Синлань. — Бяньяну сейчас нужен покой. Об этих... подозрениях поговорим позже.

Юноша осекся и послушно кивнул. Он до сих пор чувствовал себя чужаком в этом мире, оттого и слова его порой звучали столь безучастно.

Хань Тан, всё еще терзаемый тревогой, попрощался и отправился искать отца.

Когда они остались одни, Чэнь Гэ спросил:

— Тебе не кажется это странным? У меня очень нехорошее предчувствие.

Ли Синлань вздохнул:

— Мое предчувствие куда сильнее твоего. Если верить твоим словам, в Цинь долго проводили опыты, и теперь, когда технология отработана, пришло время для масштабных испытаний.

— Именно. Закрыв заставу, Цинь, вероятно, планирует испытать отряды живых мертвецов здесь, в районе Хэло. Они ни за что не стали бы превращать в чудовищ собственных граждан, поэтому полигоном станут чужие земли. Но я одного не пойму: они и без всякой магии могли бы объединить Поднебесную.

Ли Синлань покачал головой:

— Тебе никогда не понять, насколько безгранична жажда власти.

— Это не власть, это чистое насилие.

— Суть любой власти и есть насилие. Ладно, к чему эти тягостные разговоры? Мы всё равно не в силах ничего изменить.

Они замолчали. Чэнь Гэ смотрел на друга, а тот сидел, опустив голову, погруженный в раздумья.

Вдруг Ли Синлань заговорил:

— Прости меня, Чэнь Гэ. За то, что было утром. Я был слишком поглощен своими мыслями и сорвался.

Чэнь Гэ замахал руками:

— Нет-нет! Это ты меня прости. Мои слова были просто отвратительными. Брат всегда твердил, что я безответственный, и он прав. Я обещаю, что исправлюсь.

Ли Синлань негромко вздохнул:

— Человеческая душа — потемки. Мимолетные мысли часто бывают лишь инстинктом, они не определяют человека. Помни: чтобы по-настоящему узнать кого-то, не слушай, что он говорит или думает. Смотри, как он поступает в миг выбора. Ты места себе не находил из-за брата и этой заразы, но, встретив раненого меня, не бросил, привез сюда и сделал всё, чтобы помочь. Я не встречал существа чище тебя. А мой характер... он тяжелый, так что и ты меня потерпи.

Чэнь Гэ мгновенно просиял. Он уселся рядом с Ли Синланем, чувствуя себя легко и непринужденно.

— О, кстати, пока мы тут всё это обсуждали... Я потом еще поразмыслил, и у меня возник один вопрос.

<http://bllate.org/book/17509/1662202>